

УДК 316.772.4, 392.7

ТАТАРЫ БЕЛАРУСИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Е. Н. КВИЛИНKOVA¹⁾

¹⁾Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Впервые в этнологической науке объектом самостоятельного исследования выступают татары Беларуси (татары диаспоры), которые переселились сюда в советский и постсоветский периоды. Они являются выходцами из разных республик бывшего СССР, при этом их объединяют общие этнонимы, язык и культура. Данная общность татар относится к новым диаспорам, ее представители не считают себя белорусскими татарами (местными татарами), предки которых поселились на белорусских землях еще в XIV в. Выявляются важные для татар диаспоры маркеры этнической идентичности, характерные для них способы этнической идентификации, определяются содержание понятия «свой», значимость родного языка и традиционной культуры в вопросе идентификации по принципу «свой – другой» и т. д. Рассматриваются причины дифференциации двух упомянутых общностей татар и анализируются факторы, оказывающие дезинтегрирующее воздействие на них. Делается вывод о том, что при идентификации по принципу «свой – другой» татары диаспоры считают своими соотечественников из Волго-Уральского и других регионов, а также близких им по языку, культуре и традициям башкир. Данная работа основана на полевых материалах, собранных автором в 2021–2024 гг. у представителей двух общностей татар, которые проживают в Беларуси. Полученные в ходе этносоциологического опроса данные впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: татары Беларуси; белорусские татары; диаспора; этническая идентичность; маркеры; язык; культура; религия; дифференциация.

ТАТАРЫ БЕЛАРУСІ: ЭТНАКУЛЬТУРНЫЯ МАРКЕРЫ І ІДЭНТЫЧНАСЦЬ

Л. М. КВІЛІНKOVA^{1*}

^{1*)}Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Упершыню ў этналагічнай навуцы аб'ектам самастойнага даследавання з'яўляюцца татары Беларусі (татары дыяспары), якія перасяліліся сюды ў савецкі і постсавецкі перыяды. Яны з'яўляюцца выходцамі з розных рэспублік былога СССР, пры гэтым іх аб'ядноўваюць агульныя этнонімы, мова і культура. Дадзеная супольнасць татар адносіцца да новых дыяспар, яе прадстаўнікі адрозніваюць сябе ад беларускіх татар (мясцовых татар), продкі якіх пасяліліся на беларускіх землях яшчэ ў XIV ст. Выяўляюцца важныя для татар дыяспары маркеры этнічнай ідэнтычнасці, характэрныя для іх спосабы этнічнай ідэнтыфікацыі, раскрываюцца змест паняцця «свае», значнасць роднай мовы і традыцыйнай культуры ў пытанні ідэнтыфікацыі па прынцыпе «свой – іншы» і г. д. Разглядаюцца прычыны дыферэнцыяцыі гэтых дзвюх супольнасцей татар і аналізуюцца фактары, якія дэзынтэгруюць іх. Робіцца выснова аб тым, што пры ідэнтыфікацыі па прынцыпе «свой – іншы» сваімі татары дыяспары лічаць саэтнікаў

Образец цитирования:

Квилинкова ЕН. Татары Беларуси: этнокультурные маркеры и идентичность. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2026;1:16–26.
EDN: FFYQNO

For citation:

Kvilinkova EN. Tatars of Belarus: ethnocultural markers and identity. Journal of the Belarusian State University. History. 2026;1:16–26. Russian.
EDN: FFYQNO

Автор:

Елизавета Николаевна Квилинкова – доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела народоведения Института искусствovedения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы.

Author:

Elizaveta N. Kvilinkova, doctor of science (history), docent; leading researcher at the ethnic studies department, Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva.
cvilinkova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

з Волга-Уральскага і іншых рэгіёнаў, а таксама блізкіх ім па мове, культуры і традыцыям башкіраў. Дадзеная праца заснавана на палявых матэрыялах, сабраных аўтарам у 2021–2024 гг. у прадстаўнікоў дзвюх супольнасцей татар, якія жывуць у Беларусі. Атрыманыя ў ходзе этнасацыялагічнага апытання даныя ўпершыню ўводзяцца ў навуковы абарот.

Ключавыя словы: татары Беларусі; беларускія татары; дыяспара; этнічная ідэнтычнасць; маркеры; мова; культура; рэлігія; дыферэнцыяцыя.

TATARS OF BELARUS: ETHNOCULTURAL MARKERS AND IDENTITY

E. N. KVILINKOVA^a

^aCenter for Research of Belarusian Culture, Language and Literature,
National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Abstract. For the first time in ethnological science, the object of independent research is the Tatars of Belarus (Tatars of the diaspora), who moved here in the Soviet and post-Soviet periods. They come from different republics of the former USSR, but they are united by a common ethnonym, language and culture. This community of Tatars belongs to the new diasporas and differentiates themselves from the Belarusian Tatars (local Tatars), whose ancestors settled on Belarusian lands back in the 14th century. The author identifies important markers of ethnic identity for the Tatar of the diaspora, their characteristic ways of ethnic identification, the content of the concept of «ours», the significance of the native language and traditional culture in the issue of identification based on the principle of «our – other». The reasons for the existing differentiation between these two Tatar communities are considered and the factors that have a disintegrating effect on the issue of their interaction are analysed. It is concluded that when identifying according to the principle of «our – other», the Tatars of the diaspora consider their co-ethnics from the Volga-Ural and other regions, as well as the Bashkirs, who are close to them in language, culture and traditions, to be their own. Despite the length of their residence in Belarus, the Tatars of the diaspora differentiate themselves from local Tatars and do not include themselves in the category of «Belarusian Tatars». This work is based on the author's field materials collected in 2021–2024 from representatives of two Tatar communities living in Belarus. The data obtained during the ethnosociological survey are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Tatars of Belarus; Belarusian Tatars; diaspora; ethnic identity; markers; language; culture; religion; differentiation.

Введение

Согласно последней переписи населения 2019 г. общая численность живущих в Беларуси татар составляла 8445 человек¹. Данная цифра включает белорусских татар (местных татар – потомков татар Великого княжества Литовского, живущих на этих землях с XIV в., называемых «литовскими» татарами) и татар Беларуси (татар диаспоры – переселенцев советского и постсоветского периодов). Если «литовские» татары представляют собой этнокультурный феномен, то татары-переселенцы, создавшие в Беларуси свои диаспоральные структуры, относятся к так называемым новым диаспорам. Определить точное число представителей каждой из указанных общностей невозможно, так как в переписи приводится общее количество татар. Татары диаспоры составляют большинство представителей данной группы, живущей в Беларуси.

Живущие в Беларуси татары объединяются религиозной принадлежностью (мусульмане-сунниты)

и этнонимом, но четко разделяются на две отдельные по языку, культуре и происхождению общности, для обозначения которых автор использует приведенную выше терминологию. Таким образом, актуальным является выделение особенностей идентификации белорусскими татарами других этнорегиональных групп татар и восприятия татарами диаспоры местных татар с помощью анализа маркеров этнической идентичности и через образ «свой – другой».

Отметим, что основная часть исследователей рассматривают «литовских» татар как самобытный народ, одной из характерных черт которого (в отличие от крымских, сибирских, волжских татар) является «славяноязычие» [1, с. 4]. Сами белорусские татары также идентифицируют себя как отдельный этнос. Изучение автором степени взаимодействия белорусских татар с другими татарами и особенностей

¹Национальный состав населения Республики Беларусь : стат. бюл. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : сайт. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999/tablichnye-dannye/natsionalnyy-sostav-naseleniya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 23.09.2022).

восприятия ими друг друга показало, что первые в категорию «свои» включают татар Литвы, Польши и белорусов, в то время как татары Волго-Уральского региона (прежде всего казанские), крымские и сибирские татары воспринимаются ими более удаленно, дистанцированно. Эта ситуация объясняется особенностями этногенеза и культурогенеза «литовских» татар, длительным раздельным проживанием, языковыми и культурными различиями, а также рядом других факторов, способствовавших увеличению культурной дистанции между представителями данного этноса (этнорегиональной общности) и татарами других регионов.

По истории, традиционной культуре и религии белорусских татар научные труды опубликовали А. И. Смолик, И. Б. Канапацкий, С. В. Думин, М. В. Тарелко, Е. И. Титовец, И. А. Сынова, А. Я. Коршунова, В. Н. Белявина, Т. А. Новгородский и др. Отдельные аспекты создания общественных объединений татарами Республики Беларусь рассмотрены в работах белорусских этнологов В. Н. Белявиной [2], В. В. Шейбак [3].

По вопросу идентичности этнорегиональной общности «литовских» татар, в том числе в современных условиях ее разделения между тремя государствами, публикаций очень мало. Данная проблема нашла отражение в статьях некоторых зарубежных авторов, рассматривавших ее на примере польских и литовских татар (С. М. Червонная, В. Ольшевский, Г. Мишкинене, Т. Байрашаускайте).

Совершенно неразработанной в белорусской этнологии остается проблема идентичности белорусских татар и татар Беларуси. Изучение историографии, в которой освещаются вопросы традиционной культуры татар Республики Беларусь, показало, что авторы либо вообще не рассматривают татар диаспоры, либо подают материал в общем ключе, без дифференциации татар на две этнические общности. Такой подход не позволяет рассмотреть этнокультурные особенности, характерные для каждой из указанных общностей, и создает путаницу в вопросах идентификации присущих каждой из них элементов традиционной культуры и праздничной обрядности.

Что касается татар диаспоры, которым посвящена данная статья, то в силу сложившихся обстоятельств эта этническая общность до настоящего времени не только не выступала в качестве объекта исследования белорусских ученых, но даже не выделялась ими в качестве этнической общности, что свидетельствует об актуальности и полной новизне настоящего исследования.

Целью данной статьи является выявление способов этнической идентификации и маркеров этнокультурной идентичности татар Беларуси. Для достижения названной цели поставлены следующие задачи:

- изучение способов этнической идентификации татар Беларуси и значимых с их точки зрения этнокультурных маркеров, на основании которых они

относят соотников (татар других регионов) к категории «наши» или «не наши»;

- определение важности родного языка и традиционной культуры как маркера этнической идентичности для каждой из исследуемых общностей татар;

- выявление значимости религиозной идентичности в этнокультурном коде белорусских татар и татар диаспоры;

- рассмотрение содержания образа «свой – другой» у татар диаспоры и особенностей восприятия ими местных татар;

- определение культурной дистанции и анализ дезинтегрирующих факторов во взаимодействии двух общностей татар.

Настоящая работа является первым в этнологической науке исследованием, посвященным непосредственно татарам Беларуси, а также вопросам значимости для них этноязыковой и культурной идентичности, интенсивности их взаимодействия с белорусскими татарами и т. д. Она основана на полевых материалах, собранных автором в 2021–2024 гг. у представителей двух указанных общностей татар, живущих в Беларуси (г. Минск, Минская, Брестская, Гомельская, Гродненская, Могилёвская области). Наиболее активная часть татарской диаспоры проживает в городах Минске, Гродно и Минской области. При проведении автором этносоциологического исследования на основе специально подготовленного полуструктурированного опросника, который по необходимости дополнялся и уточнялся, были опрошены 85 человек. Полевые материалы впервые вводятся в научный оборот в данной статье.

В ходе исследования применялись различные методы: опрос в форме биографического интервью, личное наблюдение (включенное и невключенное), экспертное интервью и др. Принимая во внимание тот факт, что нет ни одной научной публикации по вопросу идентичности татар Беларуси, для изучения присущих им этнокультурных особенностей и форм взаимодействия автор использовал биографический метод. Его реализация происходит посредством применения качественных методов, среди которых особенно важным является глубинное интервью.

За основу исследования был взят метод не количественного (чаще применяется социологами), а качественного исследования, поскольку обычные статистические данные, получаемые путем анкетирования, не позволяют выделить различные аспекты данной проблемы и рассмотреть ее во всей полноте. Количественные методы наиболее эффективны при изучении происходящих в обществе макропроцессов, но они «не могут дать исчерпывающего понимания поведения конкретных людей, их малых групп, коллективов», поскольку «поведение субъектов социальной жизни определяется не только не зависящими от них объективными социальными законами, но и многими факторами, имеющими субъективный характер» [4].

При проведении опроса автор стремился не собрать статистические данные о том или ином явлении или традиции (сколько раз в месяц респондент посещает мечеть, как часто соблюдает пост и совершает курбан и т. д.), а выявить тенденцию, рассмотреть глубину явления, объяснить причины существующей дистанцированности между двумя проживающими в Беларуси общностями татар. Опрос в форме биографического интервью является основным способом сбора материала не только у этнологов при изучении вопросов этнокультурной идентичности, но и у историков (метод устной истории – сбор информации с помощью проведения биографического интервью), что свидетельствует о его значимости и репрезентативности.

В контексте целесообразности использования тех или иных научных методов при изучении этнокультурной идентичности предпринятая польским историком С. М. Червонной попытка применить количественные методы для выявления основ идентичности литовских татар (на примере польских татар) показала их неэффективность. Проанализировав результаты полученных 200 анкет, она констатировала, что «данная “опытная база” никак не могла

стать основой статьи, претендующей на более-менее объективное и обоснованное определение контуров идентичности этнической группы литовских татар» ввиду широкого «разброса абсолютно “неунифицированных”, несогласованных, противоречащих друг другу мнений» [5, с. 36].

Использование качественных методов исследования показало свою эффективность при изучении как этнических общностей Республики Беларусь, так и белорусских диаспор [6–8]. Преимущество биографического метода заключается в том, что он позволяет расширить и одновременно углубить знание об объекте исследования. Применение разработанной автором методики опроса дало возможность системно и подробно рассмотреть особенности этнокультурной идентичности; определить место и роль родного языка, традиционной культуры и религии как маркеров этнической идентичности; выявить форму взаимодействия между представителями двух общностей татар и др. В соответствии с данной методикой в работе приводятся фрагменты из записанных автором интервью, что позволяет показать тенденции этнического взаимодействия изнутри и передать его нюансы.

Способы этнической идентификации татар диаспоры

Основная часть живущих в Беларуси татар диаспоры являются представителями данной национальности, переселившимися сюда в советский период. Среди них много военных и членов их семей, которые после расформирования западной группы войск оказались в Беларуси, а также высококвалифицированных специалистов. Формирование татарской диаспоры в Беларуси происходило в том числе в результате межреспубликанской миграции и вступления в межнациональные браки. Среди татар, осевших здесь в советский период, преобладают смешанные браки.

Нередко местными татарами по отношению к татарам диаспоры употребляется слово «пришлые», поскольку первые относят себя к коренному населению Беларуси по праву давности проживания на этих землях. Данная номинация воспринимается значительной частью представителей татарской диаспоры как обидная. В свою очередь, татары диаспоры некоторым образом даже выводят своих местных соотечественников за рамки понятия «татары» ввиду утраты последними ряда важных для татарского этноса этнокультурных признаков.

Живущие здесь татары различаются: казанские – это татары, а местные – это не татары. Они асимилировались и потеряли татарский дух, менталитет. Они как белорусы. Одно дело, что они языка не знают. Но ведь у них же не все мусульмане². Есть и христиане. <...> На казанских татар они говорят «пришлые». Это меня тоже обижало. Хотя в Беларуси раньше было около 10 тыс. татар, а сейчас их около 7 тыс., из них 60 % – это пришлые татары, местных мало³ (Н. Д. М., г. Минск).

Несмотря на то что живущие в Беларуси татары диаспоры являются выходцами из разных республик постсоветского пространства и регионов России, они объединены общим этнонимом, языком и культурой. Для первого поколения переселенцев характерна четкая этническая идентичность: они не только не стесняются своего происхождения, но и с гордостью говорят о том, что они татары.

Я чистокровная татарка. Папа, мама, у нас весь род из татар. <...> Я татарка и очень горжусь этим. Мама родом из Казани. Мой папа – татарин, родился в Удмуртии. Я родилась в Ижевске (Удмуртия) в 1949 г. ... закончила в Перми мединститут (Л. М. М., г. Минск).

²Здесь следует уточнить, что данный процесс затронул не только местных татар, но и татар диаспоры. В смешанных семьях детей в основном крестили или не приобщали ни к одной из религий, оставляя право на свободу выбора самим детям. Иногда в православие переходили женщины-татарки. При вступлении в брак девушки-татарки (выросшей в смешанной семье) с представителем христианской веры нередко случаи принятия ею православия. Однако существует немало обратных примеров. Часто выбор религии (ислам или христианство) для детей зависел от того, кто является носителем татарского этноса (отец или мать) и какое место религиозная идентичность занимает в системе ценностей каждого из родителей.

³Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала. – Е. К.

По национальности я чистокровная татарка. У меня и отец, и мать – татары. И в роду у нас не было метисов. Мои родители родились в Татарстане. <...> В переписи населения я записываюсь как татарка. <...> Я всегда говорила, что я татарка. <...> Свою национальность я позиционировала как наилучшую пробу – все-таки татарская нация. Я горда тем, что я татарка, что мои родители татары... (М. Ф. М., г. Минск).

По национальности я татарин. <...> Все татары едины, но... у меня со стороны отца – татары-мишари, а со стороны мамы – казанские татары, т. е. я чистокровный татарин, можно так сказать (Н. Д. М., г. Минск).

Независимо от страны происхождения и длительности проживания в Беларуси татары диаспоры не идентифицируют себя как белорусские татары, поскольку данное устоявшееся понятие традиционно относят только к местным соотечественникам. Такая дифференциация возникает по причине как присущих белорусским татарам этнокультурных, языковых (они считают своим родным языком белорусский, реже – русский) и других отличий, так и особенностей их этногенеза, а также местной специфики региона проживания.

Поволжские и местные татары – это две ветви татар, которые разделились, наверное, с самого начала. Примерно в это же время было создано Казанское

ханство. То есть это разные части орды, и между собой эти 600 лет они никак не пересекались (Г. Ф. Б., г. Гродно).

Одним из способов самоопределения у татар диаспоры является идентификация себя по стране своего рождения, рождения родителей или по региону проживания до переселения в Республику Беларусь (казанские, поволжские, оренбургские, казахские, узбекские татары и др.). Респонденты выделяют даже особенности, свойственные для представителей тех или иных локальных или этнорегиональных групп татар.

Татары, которые сюда приехали, они разные. Различия между ними зависят от того, откуда они приехали. <...> Я знаю, что оренбургские татары очень вредные. Я сама тоже оренбургская татарка, но не вредная. <...> А те татары, которые казанские, а есть и алма-атинские татары, они вообще другие. Казанские татары... не такие, как казанские. Кто где живет, такие и татары. Алма-атинские, казахские татары... очень медленные, они медленно разговаривают на татарском языке. Казанские быстро разговаривают. <...> Казанские татары тоже хорошие, мне они понравились (М. В. Г., г. Минск).

Из ответов видно, что татары, живущие за пределами своего этнического ядра в ином этническом и социокультурном пространстве, впитывают особенности культуры и модель поведения, характерные для мажоритарного этноса страны проживания.

Значимость родного языка и традиционной культуры для татар диаспоры в контексте содержания образа «свой – другой»

При идентификации татары диаспоры довольно часто используют выражения «наши татары» и «местные татары», что указывает на разный смысл, вкладываемый представителями каждой из этих общностей в понятие «татары». У белорусских татар этническая идентичность тесно переплетена с религиозной, поэтому для них приоритетны сохранение религиозной принадлежности (ислам) и традиций своих предков. В силу особенностей этногенеза и культурогенеза родной язык для них не является этническим идентификатором (можно быть татаром и не знать татарского языка), в то время как для татар диаспоры этническая идентичность выражается в первую очередь в использовании татарского языка и сохранении национальной культуры.

Татарская община есть в Клецком районе – это соседний район. Они вымирают, у них там, может, 10 человек осталось. Это местные, «польские» татары. Они не наши, так скажем, не казанские татары, они языка не знают. У них только вера осталась. Они читают пятничные молитвы (Д. К. С., г. Несвиж Минской области).

На уточняющий вопрос «Что Вы имеете в виду, говоря “наши – не наши татары”?» респондент ответил:

Я имею в виду по расположению. Мы, например, пензенские татары, ближе к Татарстану. Они присылали нам туда преподавателей татарского языка и книги. Мы сохранили литературу, чтение, свой язык. А у них, местных татар, родной язык белорусский. Здесь все татары имеют русские имена. Только единицы имеют татарские имена. В основном у них белорусские имена. Между нами [двумя общностями татар] сходство только в соблюдении мусульманских традиций. А в остальном в жизни они белорусы. Они общаются по-белорусски. Они не умеют разговаривать, писать и читать на татарском, как это делают мои татары (имею в виду российских татар) и я. Все нации отличаются по языку. Поволжские татары общаются между собой на татарском. А татары Польши, Беларуси, Литвы – это местные. Они считают, что произошли от крымских татар. Это ближе к туркам (Д. К. С., г. Несвиж Минской области).

Для местных татар своими являются те татары, которым понятны и близки религиозные традиции

их дедов и прадедов (китабы, хамаилы, далавары, съезды⁴ на мизарах и т. д.). Для татар диаспоры свои – это в первую очередь представители тех этносов, для кого татарский язык является родным.

Начинается с большого: у них нет татарского языка, а мы можем на своем языке говорить, петь свои песни и читать произведения своих писателей, своих поэтов, таких как Абдула Тукай (он по уровню ближе к Лермонтову). У нас и свой Пушкин есть, а у них его нет... Они [для нас] не совсем свои не только из-за языка. У них другое духовное начало. Там даже в Минске те татары, которые казанские, они держатся отдельно. Я с ними тоже дружу. У нас с ними взаимопонимание, больше контакта, духовная связь и историческая память, в том числе и язык. Но язык значит много. Нет языка – нет нации. У них даже белорусские имена и фамилии (А. В. Р., г. Витебск).

Интересно отметить, что утрата этнического языка уже вторым поколением татар диаспоры не рассматривается ими как основание для идентификации в рамках этнической общности «белорусские татары», у которой именно эта черта считается основным отличительным признаком. По мнению респондентов, их дети и внуки, рожденные в Беларуси и не знающие татарского языка, не становятся похожими на местных татар, так как они на генетическом уровне впитывают другой менталитет, модель поведения и этнические ценности, чему также способствуют контакты с родственниками с этнической родины.

У них [второго поколения татар диаспоры] духовные традиции и быт те, так как они воспитаны теми чистокровными татарами. А местных татар они воспримут так же, как белорусов, русских. Даже русские, наверное, будут им ближе. Они [местные татары] опираются в основном на религию, на этом делают акцент, чтобы сохранить свою идентичность. Они это и стали возрождать. Казанские татары тоже следуют своей религии, но... без подчеркивания (А. В. Р., г. Витебск).

В целом для татар диаспоры местные татары тоже свои, но между ними нет тесных контактов или эти контакты минимизированы. Как можно видеть, в ментальном восприятии татар диаспоры часто белорусы и русские им ближе, чем местные соотечественники.

В даваемых респондентами оценках результатов взаимодействия местных татар с белорусами прослеживается доброе и уважительное отношение к последним, которое указывает на то, что у татар диаспоры относительно белорусов сформировался положительный гетеростереотип. Но именно такие характеристики свидетельствуют о том, что татары диаспоры воспринимают местных татар как других.

Эти татары... очень добрые, отзывчивые, они такие же, как белорусы. У них такой же менталитет – белорусский. <...> А так, особо те [татары диаспоры] и эти татары не отличаются. Но если взять культуру, то местные татары больше не то чтобы ассимилировались, они больше в белорусской культуре, они обелорусились, хоть они и ходят в мечеть. Вот даже если взять их фамилии, например, такие как Богушевич и др. Это же все белорусские фамилии. Они как-то больше с белорусами смешаны. Соответственно, у них и культура больше такая (М. В. Г., г. Минск).

Значимость родного языка татары диаспоры подчеркивают и в вопросе антропонимии: у них сохраняются тюркские фамилии, имена, отчества. Однако у татар диаспоры не все столь однозначно. В советский период для коллег и знакомых они нередко адаптировали свои имена и отчества, что позволяло «уйти» от национальности. У кого-то этот принцип по привычке продолжает действовать и сейчас. Так, например, передавая автору данной статьи контакты одного из татар диаспоры, осевшего в Минской области еще в 1970-х гг., респондентка назвала его имя и отчество по-татарски (так они записаны в документах). При этом она сообщила, что к нему лучше обращаться, используя другие имя и отчество, которыми этот человек сам всем представляется.

После 1990-х гг. с ростом этнической идентичности у всех народов постсоветского пространства отношение татар (в том числе местных) к своим именам стало иным. Они начали настаивать на употреблении их собственных имен, не дифференцируя свое окружение на друзей, соотечественников и коллег.

Когда [в 1998 г.] я переехала в Беларусь [и пошла на работу], мне директор сказала: «Ой, Вы такая трудная (по имени и отчеству. – Е. К.). Вы будете Фаиной Андреевной». Тогда я сказала: «Пусть отчество так и останется, но, пожалуйста, имя мое не трогайте». И я три года была Фаридой Андреевной (согласилась на это, так как была там новенькой). И мои первые выпускники меня так и называли. Но потом, спустя три года (примерно в 2001 г.), я воспротивилась этому и начала бороться за свое отчество. Не знаю, может, времена изменились. Я сказала директору: «У моего папы красивое имя. Его звали Анвар, и ничего трудного в этом нет. И я на себя возьму ответственность, когда буду знакомиться с родителями и учениками, попрошу их просто выучить мое отчество». И теперь меня уже все так и называют – Фариды Анваровны (К. Ф. А., г. Бобруйск Могилёвской области).

⁴У белорусских татар понятие «съезды» многозначное. Оно может обозначать как сбор людей на кладбищах (мизарах) в установленные мусульманской общиной дни памяти умерших, так и организованные встречи представителей татарской молодежи из различных регионов, которые в прошлом организовывались для знакомств.

Если в советский период вплоть до конца 1980-х гг. у части татар, живущих за пределами своего этнического пространства, была тенденция «ухода» от этнических имен для своих детей, то после 2000-х гг. им чаще стали давать татарские имена.

Татарские национальные костюмы, праздники и обряды, продвигаемые в белорусском пространстве татарами диаспоры, не воспринимаются местными татарами в силу особенностей их раздельного исторического развития и формирования собственной этнокультурной идентичности. Этот факт также увеличивает культурную дистанцию между этими двумя общностями, в результате чего белорусские татары автоматически выпадают у татар диаспоры из категории «свои».

У местных татар развито огородничество, но они крымские татары. Мы их своими не считаем. Они не зна-

ют языка, не знают культуры. Мы в Ивье делали Сабантуй и несколько раз показывали им, какие у татар обряды, какие игры. Так ивьевские татары даже не приходят на Сабантуй, игнорируют нас. Для них важна религия. <...> Местные татары не знают языка, поэтому им это неинтересно. Я два раза ездила в Ивье на Сабантуй. Его нам помогли организовать из Казани, чтобы мы пропагандировали здесь татарскую культуру и праздники. <...> Мы готовимся, показываем концерт, но местные татары не приходят и не подключаются для приготовления татарской кухни. Мы там устраиваем и игры для детей – разбивание горшков, таскание в ведрах воды и др., но они нигде не участвуют. И их дети не приходят на праздники. В Гродно наши татары участвуют в фестивале, но там я с местными татарами не встречалась (З. Р. Х., г. Минск).

Дезинтегрирующие две общности татар факторы

Главное отличие татар диаспоры от местных татар формулируется первыми с помощью следующего выражения: «Они обелорусились». Это касается их языка, культуры, антропологии, а также менталитета. Данный процесс рассматривается татарами диаспоры как ассимиляция и утрата татарской этнической идентичности, поэтому казанские татары, чувствуя свою особую миссию, прилагают немалые усилия для налаживания с местными татарами тесных контактов.

Когда я работал главным инженером в компании «Татнефть» на белорусском рынке, у меня был такой девиз: «В национальной компании должны быть национальные кадры». Мы в Беларуси строили свои АЗС. Одну из них строили в п. Бабы, там рядом Глубокое (город в Витебской области. – Е. К.). Там живут местные татары. Мы приглашали их на работу с обучением. Я хотел взять на работу татар, чтобы таким образом возродить местное исчезающее татарское население. Я ездил по всем регионам Беларуси. Но куда ни придешь, там из татар есть только бабушки, а молодежь себя татарами не считает. В последнее десятилетие их количество резко уменьшилось. <...> Они [местные татары] ислам сохранили, но язык и культуру не знают и даже не хотят знать. Я попытался и предложил им свою помощь в изучении татарского языка, но они отказались, так как считают, что они крымские татары, а в языке есть разница. Они здесь слишком долго живут. Все-таки они ассимилировались. И в сознании у них нет татарского менталитета (Н. Д. М., г. Минск).

Из приведенных выше высказываний видно, что сама форма такого взаимодействия, как правило,

уже строится на неравноправной основе, поскольку казанские татары выступают в качестве наставников (старших), а местные татары – в качестве подопечных (младших). Такой подход, конечно, не устраивает местных татар, потому что они считают себя частью самостоятельного западнотатарского этноса. Предлагаемая им рекультурация, или возврат к истокам, а по сути «перепрограммирование» сложившегося у них культурного кода не вписывается в их жизненные и этнические стратегии. На Республиканском фестивале национальных культур белорусские татары принципиально не надевают татарские национальные костюмы, так как не считают их своими. При участии в такого рода праздниках каждая из татарских общностей на отдельных столах представляет свою культуру: местные татары демонстрируют собственную традицию изготовления мугиров⁵, а татары диаспоры – традиционные для тюркских народов предметы (юрту, кумган и др.), деревянные изделия и прочие предметы.

Аналогично отношение местных татар и к Сабантую – главному национальному празднику татар всех других регионов. Он не считается своим у белорусских татар и не вписывается в их представления о религиозности, поскольку является народным праздником, не имеющим никакого отношения к исламу.

Для татар диаспоры Сабантуй – это главный праздник. По убеждению даже наиболее религиозных респондентов этой общности татар, в том, чтобы участвовать в Сабантуе и быть истинно религиозным человеком, никакого противоречия нет. Этот праздник даже сравнивается с Наврузом – другим бы-

⁵Мугир (шамайль) – вид религиозного изобразительного искусства у мусульман (иногда в виде картины с изображением мусульманских святынь) либо художественно выполненная надпись с именем Аллаха или цитатой из Корана, которую помещают дома на стене или над дверным проемом.

тующим у тюркских народов праздником, который включен ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества. Этот светский праздник, по их словам, считается не очень желательным у татар, поэтому они его практически «не используют».

Очень часто и в интернете, и [в социальной сети] «ВКонтакте» говорят: «Музыка и пение – грех». Я их называю оголтелыми мусульманами, которые научились читать Коран, но дальше этого ничего не видят. Я им советую обращаться к книгам. Нигде в Коране не написано, что петь нельзя. Здесь есть подтекст. Нельзя показывать свою наготу, надевать короткие платья, открытые блузки и т. д. либо петь неприличные песни. Сабантуй – это светский праздник, и я в нем принимаю участие. Я его не отрицаю. Это народная традиция, которая идет издревле от наших дедов и прадедов. Это красивый светский праздник, ода труду (Л. М. М., г. Минск).

Таким образом, помимо этнического языка, дезинтегрирующим две живущие в Беларуси общности татар фактором являются многие элементы традиционной культуры: праздники, танцы, песни, национальные костюмы и частично кухня.

С местными татарами мы постоянно общаемся. <...> По вероисповеданию между местными и другими татарами различий нет, все одинаково. Но у них уже немного другая культура, даже в приготовлении пищи: у них свои блюда, они уже ближе к белорусам. Сколько лет они тут с белорусами живут, они же языка своего не знают. Те обряды, которые есть у нас, они все это уже не соблюдают (Л. М. М., г. Минск).

В связи с данной спецификой белорусских татар большая часть татар диаспоры смотрят на них свысока, а некоторые лидеры квалифицировали этнокультурные особенности белорусских татар как «комплекс недостаточности татарской идентичности»⁶. Имеющая место обособленность исследуемых общностей татар в немалой степени связана с вопросами конкуренции, права представлять мусульманское население в Беларуси и за ее пределами, финанси-

рования мусульманских общин и лидерства среди мусульманского населения страны, поскольку, помимо татар, в Беларуси довольно много мусульман других национальностей. Лидеры татарской диаспоры Беларуси, исходя из того, что их общность более многочисленна по сравнению с местными татарами, а также используя тесные связи со страной исхода, с руководством Татарстана и Башкортостана, пытаются занять главенствующее положение, которое пока сохраняется за местными татарами. Такого рода трения особо остро ощущались в период религиозного и этнического возрождения татар Республики Беларусь (1990–2000-е гг.).

С 1993 г. я стала ходить в созданное татарами объединение. <...> И они были местными татарами, а мы – пришлыми. Они вроде как настоящие татары, а мы – гостевые татары. <...> Это было с 1993 г. и примерно до 2000 г. Они как-то резко нас разделяли: не та религия (относится к внешним формам религиозности. – Е. К.), не тот платок носите и т. д. <...> С самого начала были трения, но с течением времени все это стерлось. Мы доказали, что мы такие же татары, как и они. Мы очень хорошо работали и внесли свою лепту в строительство мечети, в изучение Корана. Сейчас мы на равных. <...> Нас, татар, здесь немного. В Минске, наверное, около 300 человек. С течением времени [понятие] «наши – не наши татары» стерлось. Уже все татары наши, но когда [среди татар Беларуси] начиналось все это [религиозное и этнокультурное] движение, то разделение было (М. Ф. М., г. Минск).

Несомненно, за эти годы некоторые «шероховатости» в данной области удалось сгладить, но деление на две этнокультурные общности сохраняется. Отнесение татарами диаспоры своих местных соэтников к категории «другие» происходит не только за счет отсутствия между ними языковой общности (соответственно, и духовной общности, которая в немалой степени формируется на основе языка), но и в связи с ментальными различиями, сформировавшимися в результате длительного проживания в разных социокультурных средах.

Содержание понятия «свои» у татар диаспоры

В широком смысле своими респонденты считают всех татар диаспоры, а в узком – членов своего этнокультурного объединения, которые участвуют в подготовке и проведении культурных мероприятий, поскольку характер установившихся там отношений почти родственный.

Наверное, у меня больше друзей среди татар. Наш весь ансамбль (вокальная группа «Лэйсэн» Международного общественного объединения «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”». – Е. К.)

и есть мои друзья. <...> Наверное, для меня свои все равно татары, это своя кровь. Все равно это родной язык, это язык моих родителей (И. В. А., г. Минск).

Из результатов проведенного опроса следует, что своими татары диаспоры считают и башкир [9]. Стоит отметить, что в Республике Беларусь татары вместе с башкирами в 1998 г. создали общую диаспоральную структуру – Международное общественное объединение «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”», которое активно действует и в настоящее время.

⁶Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. 2002. № 52. С. 74.

Сколько башкир в обществе «Чишма», даже не знаю. Мы татар и башкир не разделяем. Знаю, что те, кто из моего Балтачеге, они башкиры. А так никто не отделяется. Татары и башкиры вместе. Мы все оттуда. Мы не делимся (С. З. С., г. Гродно).

В обществе мы не делим друг друга на татар и башкир. Мы все вместе (А. К. А., г. Гродно).

У нас [в витебском отделении Международного общественного объединения «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”»] я татар и башкир как-то не выделяю. В Минске в «Чишма» они есть, да и то наполовину. <...> Есть татары, которые из Башкирии. <...> Они [башкиры] здесь как-то не выделяются. Они здесь вживаются, внедряются в татарскую общину, поэтому и называется «татарско-башкирская» (И. В. Р., г. Витебск).

У башкир и татар диаспоры общие традиционные нормы и ценности, праздники, обычаи, кухня, религиозные традиции, близкие языки, нередко общая этническая родина (Татарстан, Башкортостан), благодаря чему они рассматривают друг друга как «свои».

Если честно, то между татарским и башкирским языками я различий не делаю. Там [в Башкортостане] нет отдельно татарской и башкирской среды, там все перемешано, все вместе общались. Между языками есть некоторые различия в некоторых звуках, в произношении и некоторых словах. А так на бытовом уровне никто различий не делал, кто татарин, кто башкир. <...> При этом татары и башкиры хорошо друг друга понимают и при общении каждый может разговаривать на своем языке. И все будут понимать друг друга. Я считаю, что нельзя противопоставлять их что в традициях, что в пище, а традиции наши основаны на исламе. Ну как их можно разделять между татарами и башкирами (Т. А. Г., г. Минск).

Здесь я на башкирском говорю со своими татарами. Я говорю на башкирском, а они со мной на татарском. Отличие между этими языками как между белорусским и украинским (А. З. И., г. Молодечно Минской области).

При опросе часть респондентов отметили некоторые имеющиеся различия между этими двумя этносами, проявляющиеся в языке, национальном костюме и танцах. Вместе с тем, как можно заключить, они рассматриваются как несущественные, никак не влияющие на увеличение культурной дистанции. Этот факт говорит о том, что для татар диаспоры башкиры являются своими, как и татары диаспоры для башкир. При проведении общественно-культурных мероприятий (Сабантуй, Республиканский фестиваль национальных культур и др.) участники Международного общественного объединения «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”» организуют общее подворье (юрту), на котором представляют татарскую и башкирскую культуры: народные песни, национальную кухню, традиционные костюмы (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Татаро-башкирское подворье на Республиканском фестивале национальных культур (г. Гродно, 2024). Фотография Е. Н. Квилинковой

Fig. 1. Tatar-Bashkir courtyard at the Republican festival of national cultures (Grodno, 2024). Photo by E. N. Kvilinkova

Рис. 2. Выступление представителей Международного общественного объединения «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”» на Республиканском фестивале национальных культур (г. Гродно, 2024). Фотография Е. Н. Квилинковой

Fig. 2. Performance by representatives of the International public association «Tatar-Bashkir cultural heritage “Chishma”» at the Republican festival of national cultures (Grodno, 2024). Photo by E. N. Kvilinkova

Если говорить в целом, то понятие «свои» очень многозначное. Не только такие этнические маркеры, как язык и связанная с ним антропонимия (фамилии, имена), но и характерные антропологические признаки позволяют узнавать своих в чужом этническом пространстве. Для татар такими в первую очередь являются черный цвет волос и глаз, а также ярко выраженные скулы.

О значимости религиозной идентичности в этнокультурном коде белорусских татар и татар диаспоры

Одним из различий двух исследуемых общностей татар является отношение к религии. Если у белорусских татар принадлежность к исламу является главным маркером этнической идентичности, которая нередко приравнивается к религиозной (татарин есть мусульманин), то у татар диаспоры (татар Волго-Уральского региона) религия выступает в качестве одной из этнокультурных составляющих. В ходе опроса представители последних нередко идентифицировали себя как мусульмане по рождению, традиции. По отношению к ним применимо понятие «этнические мусульмане».

Отдельные представители татар диаспоры хоть и не ставили на первое место религию (ислам), тем не менее подчеркивали приверженность ей и сохранение ее местными татарами как достижение.

Они, белорусские татары, своего языка не знают, но обычаи [религиозные] соблюдали (Я. Т. М., г. Минск).

Я горжусь белорусскими татарами. Они не знают татарского языка, но зато знают свою религию. Они мусульманство пронесли через века. К моему сожалению и стыду, несмотря на то что я родилась в Татарстане, у меня вот этого нет⁷. У нас было советское воспитание. Нам внушали, что религии нет... В нас это было заложено. А потом в 1990-е гг. оказалось, что нужно к чему-то приходить... Моя бабушка и намаз читала, у нас дома были книги еще 1913 г. (З. Р. К., г. Минск).

Татары диаспоры высоко оценивают образованность и умственный потенциал местных татар в том числе как результат специфики их этногенеза.

Белорусские татары язык не сохранили, а свою религию и арабское письмо сохранили. Отец А. В. научил его читать на арабском языке. Они как пришли сюда 625 лет назад, ни разу свою религию не теряли даже в советское время. И мечети тут сохранились. <...> Когда сюда отправляли татар защищать этих панов, сюда направляли очень умных людей. Возьми любого белорусского татарина – они все одаренные, все практически уникальные, я бы именно так сказала. Если они врачи, то от Бога, если учителя, то от Бога (А. Г. А., г. Минск).

Вместе с тем значительная часть респондентов хоть и признает важность усилий местных татар по сохранению ими на протяжении более шести веков своей религии, но утрата родного языка и культуры подсознательно сказывается на восприятии последних и отношении к ним как соотечественникам. Нередко татары диаспоры определяют родной язык как важнейший этнический маркер, противопоставляя его религиозной идентичности.

Для татар и религия, и язык имеют одинаковое значение. Но ведь не все же знают религию. Я, например, знаю лишь одну молитву (Я. Т. М., г. Минск).

Религиозная идентичность (принадлежность к исламу) также считается важной у татар диаспоры, но все же она выводится ими на уровень индивидуального решения человека и его частной жизни.

Татары для меня, конечно, свои, особенно те, которые исповедуют ислам. Но я человек дипломатичный (Л. М. М., г. Минск).

На вопрос о том, остаются ли татары-христиане в категории «свои», респондент ответил:

Да... По религиозной принадлежности – это их собственное решение. В исламе нет принуждения. Есть сура, которая говорит об этом. Такие татары есть и в нашем ансамбле: три человека, принявших христианство. Я никогда их не осуждаю, но в глубине души мне не очень нравится, так как это своего рода небольшое предательство по отношению к своим предкам. Но я к ним отношусь нормально и на них никогда ни пальцем не покажу, ни словом не скажу (Л. М. М., г. Минск).

Что касается настойчивой рекомендации имамов белорусских татар соблюдать мусульманскую традицию захоронения умершего в саване, то у татар диаспоры (они являются более светскими людьми) к данному вопросу неоднозначное отношение. Эта традиция нередко рассматривается татарами диаспоры как проявление излишней религиозности, в то время как значимые для татарской этнической идентичности составляющие (родной язык, национальная литература и традиции), на их взгляд, игнорируются белорусскими татарами.

Разные татары есть. Те, которые хоронят в саванах, – это бывшие приглашенные турки (местные татары. – Е. К.). Скорее скажем, это крымские татары. <...> Это чисто крымские татары, которых князь Витовт пригласил охранять границы. <...> У них же даже языка нет. У них в традиции больше сохраняется религия. У нас сохранился свой язык, алфавит, свои песни. <...> То есть это абсолютно разные люди, хоть и называются «татары» (А. В. Р., г. Витебск).

Однако при погребении усопшего или болезни ребенка татары диаспоры обращаются к местным татарам как экспертам в религиозной обрядности, умеющим читать Коран и знающим нужные молитвы-заговоры из хамаилов, чтобы те помолились в соответствии с религиозной традицией и прочитали нужную молитву для исцеления.

Я здесь знаю одного человека (белорусского татарина. – Е. К.), который живет в Несвиже. Он уже пожилой, ему более 70 лет. Но мы иногда общаемся.

⁷Эта респондентка, являющаяся представительницей казанских татар и живущая в Беларуси 40 лет, перешла из ислама в православие при крещении ее детей.

Если нужно что-то прочитать, какую-то молитву, то я их прошу, и они выполняют мою просьбу. А так в мусульманской общине меня нет. Они знают эти молитвы. Например, читают ее при болезни... Когда сын руку сломал, чтобы она быстрее излечилась, я заказал молитву. Между прочим, помогает. Эти молитвы знают в основном те, у кого в семье испокон веков передавалась эта религия, книги и чтение Корана. Этот мой знакомый, Казакевич Степан, можно сказать, читает Коран наизусть. Он все знает. Они вот

такие. Они знают это, но знают только религиозно образованная их часть, единицы. Это обычные татары. Но так как у них никого [имамов, получивших специальное образование] нет, этот мой друг читает пятничные молитвы для кельских татар – едет их читать в Кельк. Он более грамотный. Он как мулла (Д. К. С., г. Несвиж Минской области).

В вопросах религии и религиозной обрядности белорусские татары являются признанными авторитетами у татар диаспоры.

Заключение

Результаты проведенного нами опроса показали, что татары диаспоры (прежде всего татары Волго-Уральского региона, которых нередко местные соотечественники называют «российскими» или «казанскими» татарами) по религиозному признаку включают белорусских татар в категорию «свои», а по культурно-ментально-языковому признаку – в категорию «другие». С одной стороны, это объясняется отсутствием между ними языковой и этнокультурной общности, с другой стороны, – особенностями этногенеза, так как местные татары больше связывают свое происхождение с крымскими, а не казанскими татарами.

В этническом плане местное татарское население воспринимается татарами диаспоры неоднозначно по причине утраты первыми важных этнических при-

знаков: родного языка, народной культуры (традиционных татарских костюмов, праздничной обрядности и др.), фольклора на татарском языке. Более того, при идентификации по принципу «свой – другой» татары диаспоры считают своими всех выходцев Волго-Уральского региона, а также близких им по языку, культуре и традициям башкир. Несмотря на длительность проживания в Беларуси (40–50 лет), татары диаспоры отделяют себя от местных татар и не включают себя в категорию «белорусские татары». Ввиду сложившихся принципиальных различий в данных областях такие этнические маркеры, как родной язык и традиционная культура, играют не консолидирующую, а скорее дезинтегрирующую роль в вопросе взаимодействия этих двух общностей татар.

Библиографические ссылки

1. Канапацкі ІБ, Смолік АІ. *Гісторыя і культура беларускіх татар*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў; 2000. 259 с.
2. Белявина ВН. Татары. В: Гурко АВ, Бондарчик ВК, Касперович ГИ, Локотко АИ, Белявина ВН, Батяев ВФ и др. *Кто живет в Беларуси*. Минск: Беларуская навука; 2012. с. 466–525.
3. Шейбак ВВ. Формирование и деятельность гродненского татарского общественного объединения (конец 1980-х – 1990-е гг.). У: Лакотка АИ, рэдактар. *Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтва. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 28–29 лістапада 2013 г.; Мінск, Беларусь. Частка 2*. Мінск: Права і эканоміка; 2014. с. 189–194.
4. Орлова ВВ. Применение биографического метода в изучении жизненных стратегий молодежи [Интернет]. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. 2010 [процитировано 16 ноября 2024 г.]. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-biograficheskogo-metoda-v-izuchenii-zhiznennyh-strategiy-molodezhi/viewer>.
5. Червонная СМ. Основы идентичности литовских татар: исторический фундамент и современный ракурс. *Историческая этнология*. 2017;2(1):28–63.
6. Квилинкова ЕН. *Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения*. Минск: Беларуская навука; 2023. 383 с.
7. Квилинкова ЕН. *Молдаване Беларуси: этнокультурная идентичность и интеграция*. Минск: Беларуская навука; 2024. 614 с.
8. Квилинкова ЕН, Сакович ВА. *Белорусы в Молдове и Молдова в беларусах*. Минск: Беларуская навука; 2021. 454 с.
9. Квилинкова ЕН. Религиозная идентичность и формы ее проявления у башкир Беларуси. *Весті НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2025;4:296–307.

Получена 15.03.2025 / исправлена 22.09.2025 / принята 31.12.2025.
Received 15.03.2025 / revised 22.09.2025 / accepted 31.12.2025.